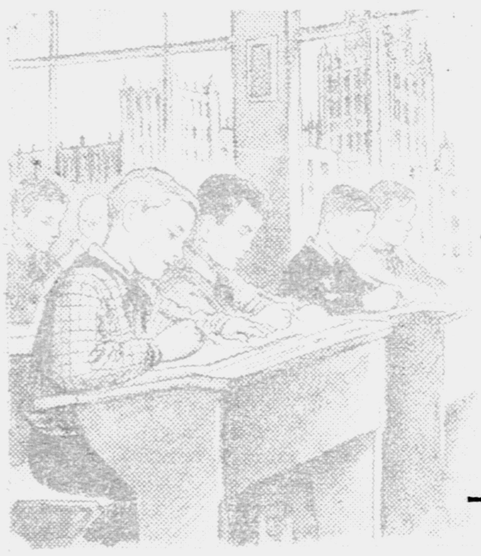
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!



Пионерская ПРАВДА

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

№ 97 (3912) ★ Среда, 7 декабря 1955 г. ★ Цена 10 коп.

Комсомольцы пожарной охраны Москвы решили помочь ребятам залить катки.

★

ГОТОВЬТЕ ПЛОЩАДКИ ДЛЯ КАТКОВ

Пришла зима и в Москву. Проходишь иногда мимо какой-нибудь школьной площадки или двора и радуешься: как и летом, оттуда доносятся крики, смех. Только слышишь уже не удары по мячу, а стук хоккейных клюшек, звон стальных коньков. Но, к сожалению, таких примеров ещё немного. В некоторых школьных дворах совсем другая картина. Тишина, всё снегом заметено, ни игр, ни соревнований.

Почему так? Может быть, одни ребята поленились, другим — просто трудно залить настоящий каток, им нужна помощь старших.

И мы, комсомольские организации пожарной охраны, решили помочь ребятам.

Мы за то, чтобы катки, ледяные площадки были созданы возле каждой школы, в каждом дворе — словом, везде, где есть хотя бы небольшой свободный участок.

Дорогие друзья! Обращайтесь к нам через райкомы комсомола, мы рады быть вашими помощниками в заливке катков.

Только договоримся об одном. Если вы нас позовёте, а площадку для катка не подготовите, пеняйте на себя: катка заливать мы не станем.

Мы уверены, что нашему примеру последуют комсомольские организации пожарной охраны и других городов. Пусть этой зимой у каждой школы, в каждом дворе будет свой хороший каток.

Помощник начальника политотдела
Управления пожарной охраны города Москвы
по комсомольской работе
А. КУЛЕШОВ.

Рис. С. ЛЬВОВА.

Пионерское знамя вручено лётчикам отряда Черевичного

Дизель-электроход «Обь» стоял в Калининграде последний час, когда пионеры 661-й школы Москвы прислали прощальную телеграмму своим старшим отважным друзьям, членам Антарктической экспедиции. А через сутки, к большой радости ребят, почтальон принёс ответ.

ТЕЛЕГРАММА

ДИЗЕЛЬЭЛЕКТРОХОД ОБЬ СОМОВУ

В добрый путь дорогие южане от всего сердца желаем вам чтобы достигли заданной цели тчк Если будет трудно пусть знамя нашей дружины напоминает вам что о вас думают наши ребята тчк

ПИОНЕРЫ 661 ШКОЛЫ

РАДИОГРАММА

МОСКВА ШКОЛА №Р 661 ПИОНЕРАМ
ДЭ ОБЬ 7 36 1/12 1450 СПР

Дорогие ребята сердечное спасибо ваши добрые пожелания тчк Взаимно желаем вам успехов вашей жизни учебе хорошего здоровья тчк Ваше знамя передано самым отважным мире летчикам отряду Черевичного тчк

СОМОВ зпт ГОЛУБЕВ

Белые пятна 5 "А"

В классе тихо, идёт урок арифметики.

Виктор Владиславович, учитель. Спиридонов, к доске. Запиши пример: $\frac{11}{28} - \frac{5}{14}$ Какой тут общий знаменатель?

Володя Спиридонов. Тридцать два.

Класс. У-у-у...

Учитель. Тише, тише. Не подсказывать. Это же обычная история со Спиридоновым. Но надо же ему когда-нибудь о чём-нибудь подумать самому.

Спиридонов называет, наконец, число 28, а пишет всё-таки другое.

К доске выходит Витя Ермаков.

Учитель. Повтори правило вычитания дробей с разными знаменателями.

Ермаков. Чтобы найти вычитатель... надо вычистить...

Учитель. Плохо, Ермаков. Так и осталось это правило «белым пятном» в твоих знаниях.

«Может, Ермаков и Спиридонов случайно не выучили заданного», — подумали мы.

На уроке литературы ребята читали наизусть по ролям басню Крылова «Волк и Ягнёнок».

Кто не помнит и не любит басен Крылова? Кто не знает его легкомысленной Стрекозы, падкой на лесть Вороны, хвастливой Моськи, чванливого Волка?..

Учительница Валентина Дмитриевна. Спиридонов, ты будешь читать слова Волка.

Подходит володина очередь. Он молчит.

Учительница. Ты что же не сказал, что опять не выучил? Только время отрываешь.

Спиридонов. Я не запомнил... Мне трудно...

(Можно ли поверить, что ученику 5-го класса трудно запомнить крыловскую басню?)

Не выучили басню Чилин и Колотов. Плохо читали Пчёлкина, Исаев, Колосков...

Но большинство ребят хорошо знали басню, отлично решали задачи в этот день. Коле Зайцеву, например, Виктор Владиславович сказал: «Устно ты считаешь быстрее, чем пишешь».

— Коля у нас сейчас лучше всех считает, — сообщили нам ребята. — Никто ещё не успеет, а он уже сосчитал. Он готов решать задачи с утра до ночи. А тоже тройки были. И совсем ведь недавно взялся человек за дело.

Толя Захаров (перебивая товарищей, выступая вперёд). А у меня четвёрки, тройки, двойки. Когда что захочу, то и получаю.

Рая Васильева. Тебе, Захаров, на уроках надо меньше болтать. А ты голубей пускаешь, объяснений не слушаешь. Как на географии было? Помнишь?

Захаров. Помню. Но ответил я тогда не на двойку. (Все смеются). И голубей пускал не я один... А вон Бранцевич, учится она отлично и не балуется, но исподтишка тоже действует. (Обращаясь к ней). Не ты сегодня сказала: «Давайте будем кричать на уроке»?

-У МЕНЯ ЗЛОКАЧЕСТВЕННАЯ АНГИНА...

Надя Бранцевич. Ну сказала, а сама-то всё-таки потом молчала. И это было на пении.

Захаров. А что, пение — не урок?

Володя Алтунин. Да ты, Захаров, сам-то больше всех затеваешь гадости, а на людей сваливаешь. Ты говори о деле: можешь без двоек учиться?

Захаров. А что я, один? Вон у Спиридонова шесть двоек за четверть.

Коля Зайцев. Да... Спиридонов у нас — это горе. Колосков вызвался помочь ему, да толку от этого мало. Что он ему говорит: «Ты, Спиридонов, учи, а я буду сказки читать». Или ещё лучше: «Давай, говорит, в салочки играть».

Витя Панкратов. Как ему, Спиридонову, поможешь, если сам он нисколечко не думает об учении? Что нам с ним делать?

Спиридонов (тихо, но обдуманно). При-пуг-нуть.

Алтунин (живо, повернувшись к Спиридонову). А, пожалуй, ты прав. С тебя нужно спросить как следует.

Зайцев. И Никифорова может отлично учиться, но она завралась. На арифметике вызывают, а она: «Я не решила задач, у меня злокачественная ангина». На русском языке Валентина Дмитриевна попросила её из класса, а она огрызается. Ты, Никифорова, скажи, как писала немецкую контрольную.

Нина Никифорова. А что? И скажу, не беспокойся, всё скажу. У меня были листочки, которые я написала вечером, шпаргалки, в общем. Но учительница-то всё равно их отобрала.

Ребята (хором). Твою совесть телята съели.

Алтунин. В прошлой четверти у нас оказалось столько двоек, сколько мы даже не ожидали. У шести учеников. Что ж, мы и в этой четверти к этому придём? Нельзя так дальше.

-МЕНЯ НАДО ПРИПУГНУТЬ...

Да, мы согласны с Алтуниным: дальше так нельзя! Не так уж много времени осталось до конца первого полугодия. Но и за это время можно многое сделать даже Спиридонову, если он понял, наконец, что должен изменить своё отношение к учению.

Вряд ли кому-нибудь из школьников двойки приносят радость.

Московско-Курско-Донбасская железная дорога,
ст. Люблино, школа № 49.

Чукотские ребята. Фото Л. ДАНИЛОВА.

На чукотской земле

У самого восхода солнца, там, где крутые обрывы мыса Дежнёва ниспадают к Берингову проливу, стоит памятник Семёну Дежнёву.

Летят самолёты над памятником — делают круг, приветственно покачивая крыльями; проходят корабли, идущие в полярное плавание, — эхо их гудков долго перекликается в скалах над океаном.

Более трёхсот лет назад побывали здесь первые русские землепроходцы — дружина великоустюжского казака Семёна Дежнёва. Но почти триста лет нетронутым оставался богатейший край, который так и называли: край белого безмолвия.

В наши дни далёкая Чукотка неузнаваемо изменилась.

За Полярным кругом появились крупные промышленные предприятия, выросли большие посёлки — Анадырь, бухты Провидения, Певек, Марково, Танюрер, Угольная.

...Уже несколько часов собачья упряжка шла берегом Анадырского залива.

И вдруг в морозном воздухе отчётливо раздались звуки кремлёвских курантов: где-то поблизости был населённый пункт. Говорила Москва, говорила о весеннем севе в Ставрополье, о цветущих садах в Узбекистане, а мы мчались над застывшим, вздыбленным торосами морем, и перед нашими глазами плыли, исчезая и рождаясь вновь, нежнозелёные завесы северного сияния.

Потом сияние померкло, а за сопкой загорелись, разбегаясь по горизонту, сотни электрических огней.

— Анадырь?

— Уйна! — протяжно ответил каюр. — Колхоз имени Сталина...

Мы ожидали увидеть кучу яранг, но чукотский колхоз оказался большим посёлком с благоустроенными деревянными домами, с электричеством и радио, со школой, клубом, стадионом, больницей, складами пушнины, с теплицами, в которых чукотские пионеры круглый год собирают редиску, лук, огурцы, укроп.

Вечерами, когда кончается трудовой день, в разных концах посёлка слышатся песни.

Замирают последние звуки песни, начинаются танцы — очень плавный и спокойный, похожий на вальс, «укинисик» — танец швей. Его танцуют женщины, отдыхая от работы. «Укинисик» сменяет «мытыхлюк»— танец ворона. Это энергичный и быстрый танец. Танцор повторяет в нём движения птицы.

Танцуют и другие танцы: «чайки», «моржа», «танец счастливой охоты». Любят чукотские девушки плясать русские танцы, украинский гопак, эстонскую польку.

Чукчи занимаются спортом. С одним из видов чукотского спорта — «тугумгой» — нам довелось познакомиться, когда мы ехали в тундру, к оленеводам.

Замела пурга, собаки потеряли дорогу, мы остановились. Наши каюры сошли с нарт и начали снимать с себя меховые кухлянки. Они стали бороться, чтобы согреться. Схватили друг друга за пояса и старались уложить «противника» голыми лопатками на снежный ковёр. Снег летел из-под ног борцов, и вскоре от них повалил пар. Затем они оделись и посоветовали своим озябшим спутникам бежать рядом с нартой, держась за дугу. Вскоре и от нас повалил пар — стало жарко. Это был ещё один из видов национального спорта — бег с нартой...

Нет селения на Чукотке, где не было бы своих прославленных борцов. На всех весенних праздниках вместе с оленьими гонками и бегами собак проводятся соревнования по «тугумге». Вокруг борцов собираются сотни людей. Им разрешается подбадривать борцов, что они обычно и делают с азартом.

По условиям борьбы разрешаются подножки и захваты, но только не со спины — это запрещённые приёмы, и с победившим, который прибегал к ним, больше никто бороться не станет.

Чукчи — сильный и выносливый народ.

На десятках километров тундры разбросаны оленьи стада. Долгими полярными ночами пастухи охраняют многотысячные табуны, перегоняют их на новые пастбища.

...Ещё с утра пастух Экерультын заметил в тундре следы полярных волков. Они всегда подходят к табунам к началу отёла, когда беззащитные важенки разбредаются по тундре. Пастухи расставили вокруг капканы и разложили кучи кедрача для костров.

Пурга разогнала важенок по тундре. В двух шагах ничего не было видно. Нужно было согнать оленей. Но при приближении людей важенки, призывно трубя, уводили оленят. Качаясь на тоненьких, неверных ещё ножках, они ковыляли за матками. Пришлось арканами ловить важенок, отбирать у них оленят и уносить в места, защищённые от снежного вихря.

Всю ночь горели в тундре костры, всю ночь оленеводы объезжали стада, отпугивая выстрелами полярных волков и россомах. К утру пурга утихла. Экерультын связался по радио с колхозом и передал, что стадо сохранено полностью.

К оленеводам часто приезжают киномеханики — показать новый кинофильм; библиотекари красных яранг привозят свежие газеты и журналы, новые книги. Многие книги чукчи читают на родном языке. Учёные помогли жителям Крайнего Севера разработать свою письменность. Советская власть дала охотникам и оленеводам школы и больницы, моторы и промысловый флот. На современных быстроходных шхунах выходят в море за моржами и нерпами чукотские колхозники.

На Чукотке добывается много пушнины. Там бьют лисиц, песцов, горностаев, россомах, медведей, волков. Хозяином тундры зовут здесь старого охотника Аре. Он первым стал применять подкормку белых и голубых песцов, приучая зверей к определённым местам, куда они и собираются к охотничьему сезону.

На сельскохозяйственной выставке, в павильоне «Дальний Восток», посетители подолгу останавливаются у стендов с костяными изделиями чукотских мастеров, выполненных с замечательным искусством. Кто же эти мастера?

Это старый чукотский художник Вуквутагин, награждённый за свой сорокалетний труд орденом Ленина, и его ученики — уэленские школьники, среди которых самый талантливый — пионер Ваня Сейгутегин.

— Будет мастер лучше меня! — говорит о нём Вуквутагин.

Изделия из моржовых клыков пользуются большим успехом на международных выставках, они хранятся в лучших музеях нашей страны.

Коммунистическая партия научила жителей чукотской земли строить жизнь по-новому, вырастила из них врачей и инженеров, агрономов и лётчиков. Я познакомился с первым чукотским пилотом Дмитрием Тымнетагиным. Двадцать лет назад, как и полагается всем чукотским мальчишкам — «кляулям», он играл в охоту на моржей. Потом, когда над селением стали летать самолёты (в те дни во льдах затонул пароход «Челюскин», и лётчики шли на север спасать людей из ледового лагеря), он стал играть с друзьями в лётчиков и самолёты, в челюскинцев и лагерь Шмидта. И не только играл. Он принимал участие в спасении челюскинцев: помогал пилотам ухаживать за машинами, грел для них воду и масло, наливал в моторы бензин, расчищал аэродром среди сугробов. Тогда же было решено стать лётчиком. Услышав, что в одном далёком от Чукотки городе авиационная школа Гражданского воздушного флота объявила набор учащихся, Дмитрий простился с отцом — охотником Кагье.

И вот Тымнетагин сдаёт экзамен. Садится за штурвал аэроплана, ждёт команды, взлетает, делает фигуры высшего пилотажа, приземляется на «три точки». Ему, улыбаясь, жмёт руку тот, кому он когда-то грел моторы и расчищал среди сугробов взлётные дорожки.

С тех пор прошло много лет. Более миллиона километров налетал первый чукотский лётчик над просторами далёкой Чукотки.

Кинорежиссёр
Л. ДАНИЛОВ.

гор. Магадан.

Мыс Дежнёва.

В гостеприимной Бирме

1 декабря Николай Александрович Булганин и Никита Сергеевич Хрущёв по приглашению Премьер-Министра У Ну прибыли в столицу Бирмы город Рангун. На аэродроме руководителей советского народа встречал Премьер-Министр Бирмы У Ну.

Бирма расположена в северо-западной части Индо-Китайского полуострова. В стране живёт около 20 миллионов человек. Долгие годы это была бесправная английская колония. Борьба народа за национальную независимость в 1948 году привела к провозглашению республики. Правительство Бирмы стремится развить национальную промышленность, построить больше заводов, фабрик.

В эти дни бирманский народ горячо приветствует у себя на родине товарищей Хрущёва и Булганина. На улицах городов — лозунги на бирманском и русском языках: «Да здравствует советско-бирманская дружба!», «Сердечный привет Премьер-Министру Булганину! Сердечный привет товарищу Хрущёву!»

В день прибытия Николая Александровича и Никиты Сергеевича в Рангуне был дан концерт, в котором были показаны образцы бирманского национального искусства. Гостям из Советского Союза особенно понравился «танец цветов». Пары девушек, одетых в разноцветные костюмы, изображали спор цветов о том, какой из них самый красивый. Бурные аплодисменты вызвала песня о бирмано-советской дружбе.

Утром 3 декабря гости направились в страну шанов. Это — одно из автономных государств, входящих в Бирманский Союз. В этом живописном районе Бирмы на высоте 1000 метров над уровнем моря находится знаменитое своей красотой озеро Инле. Его посетили советские гости. Товарищи Булганин и Хрущёв на «Королевской барже», украшенной позолотой и резьбой, поплыли к центру озера. Там на сваях стоит несколько празднично украшенных домиков. Раздаются приветственные возгласы, аплодисменты. Начинается народный праздник.

В городе Маймьо, куда советские руководители приехали 4 декабря, военные власти устроили в честь почётных гостей военный парад. Парад принимали Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв.

5 декабря товарищи Хрущёв и Булганин возвратились в Рангун.

У ТВОИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ДРУЗЕЙ

СТРОИТСЯ ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

В столице Монгольской Народной Республики Улан-Баторе строится большой Дворец пионеров. Самого здания Дворца пока ещё нет, но фундамент его уже заложен.

В новом, красиво отделанном Дворце будут: большой колонный зал на 573 места, читальня, библиотека, кинозал, комната сказок для малышей, радиоузел, специальные комнаты для юных техников. В кузнечной и токарной мастерских под руководством опытных инструкторов ребята сами смогут изготовлять разные детали к самоделкам. Фотолюбители научатся фотографировать, проявлять плёнку и печатать снимки.

Рядом с Дворцом находится озеро, на берегу которого оборудуют спортивные площадки. Дворец будет окружён зеленью садов и парков.

Много игр и развлечений найдут монгольские пионеры в своём Дворце, который займёт площадь почти в три тысячи квадратных метров.

КАК САМОМУ СДЕЛАТЬ ЛЫЖИ

Дорогой мастер Самоделкин, расскажи, как самому сделать лыжи.

Ученик начальной школы Алексей ЖОЛДЫБИН.

Новгородская область, Волотовский район, деревня Красный Луч.

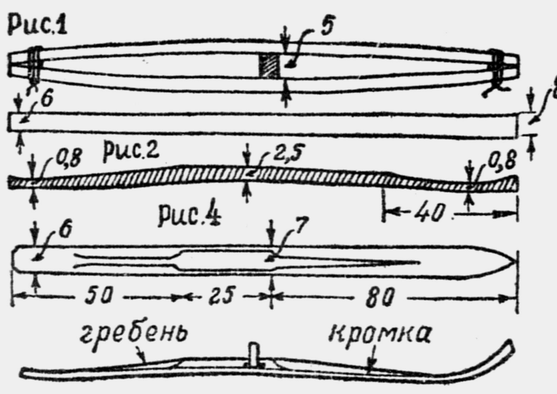
Дорогой Алёша!

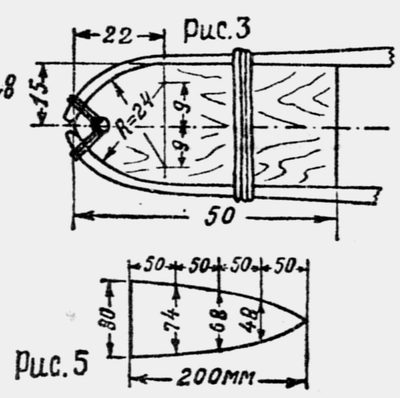
Лыжи смастерить нетрудно, если немного владеешь топором, пилой, стамеской и рубанком.

Найди сухие (берёзовые, ясеневые или кленовые) доски толщиной 3, а длиной не менее 160 см. Сначала из досок сделай два бруска шириной в 10 см. Бруски свяжи по концам, вставь между ними распорку, как показано на рис. 1, и 4—6 дней суши их у печки.

Просушенные бруски обстругай, придерживаясь размеров, указанных на рис. 2. Передний конец каждого бруска выстругай, придав ему первоначальную форму носка лыжи (см. рис.). Затем носки лыж загни на специальной колодке. Её нужно сбить из досок. Размеры даны на рис. 3. Распарив носки лыж в кипятке (в течение часа), привяжи лыжи к колодке, как показано на рисунке, и 3—4 дня суши их у печки. После этого приступай к обработке гребня и кромок лыжи (рис. 4), заостри носки по шаблону, сделанному из картона (рис. 5). На скользящей поверхности полукруглой стамеской выбери ровный и гладкий желобок шириной 15 мм. и глубиной 2 мм. Желобок должен проходить точно посередине лыжи и в носовой части сходить на нет.

Отверстия для ремня выдолби шириной 5 мм. Место расположения отверстия выбери с таким расчётом, чтобы передняя часть лыжи несколько перевешивала, когда ремень будет надет на носок валенка.





Закончив обработку лыж по размерам, указанным на чертежах, зачисти их стеклом и наждачной бумагой.

Потом надо пропитать лыжи горячей смолой или чистым дёгтем. Делают это, прогревая лыжи у печки или над жаровней с углями. Равномерно растирая тряпкой смолу (или дёготь), пропитывай лыжи до тех пор, пока они не приобретут темнокоричневого цвета.

На другой день поверхность лыж покрой разогретым воском. На места для ног набей резину. Лыжи готовы.

Палки сделай диаметром 1,5—2 см., а длиной — до подмышек. Кольца делаются из распаренных прутьев ивы или рябины.

Желаю тебе успехов.

Мастер САМОДЕЛКИН.

★

— Как? Что? Почему? — часто спрашиваете вы на уроках, читая книгу, наблюдая какое-нибудь явление в окружающей жизни.

На многие ваши «почему» вы получите ответ на страницах тетради любознательных «Хочу всё знать».

Вы знаете тетради по арифметике, физике, географии, истории. Но наша тетрадь несколько необычна: страницы её будут печатными. Писать в неё, отвечая на ваши вопросы, будут учёные, путешественники, инженеры, техники...

Некоторые страницы будете заполнять и вы сами, рассказывая о своих наблюдениях, о том, как вы ищете и находите ответы на разные «загадки» природы.

Итак, открываем первую страницу нашей тетради любознательных «Хочу всё знать».

★

О первой карте

Я хочу знать, кто начертил первую географическую карту.

Максим ЛЮБИМОВ.

гор. Владимир.

★

На твой вопрос, Максим, ответить не так-то просто. Длинный путь прошла географическая карта. Сколько сил, человеческого разума затрачено, прежде чем она стала такой, какой мы её знаем сегодня!

Первые карты-рисунки встречаются у египтян, живших за три тысячи лет до нашей эры. К тому же времени относятся и рисунки, найденные в нашей стране. Однако они ещё не были настоящими картами — это только рисунки той или иной местности, которые помогали людям осваивать землю, строить каналы, правильно определять размеры налогов за пользование землёй, а позднее — развивать торговлю между государствами, а также завоёвывать новые земли.

Настоящие же географические карты, построенные по определённым математическим законам, изображающие шарообразную поверхность земли на плоскости, появились только во втором веке нашей эры, тысячу семьсот лет назад. Конечно, тогда люди ещё не умели печатать карты, все они делались от руки.

Одна из таких первых карт показана на нашем рисунке. Эта карта помещена в книге «География», написанной великим александрийским астрономом, математиком и картографом Птолемеем, который жил в I—II вв. нашей эры.

На этой карте показана вся земля, которая к тому времени была известна людям: Европа, Азия, Африка, а также океаны и моря. Мы находим на ней Испанию, Италию, Грецию, Индию и другие государства. Горы показаны треугольничками; мы видим Альпы к северу от Италии, Кавказ между двумя морями (Чёрным и Каспийским), горы Атлас в Северной Африке... Двойными линиями показаны реки; среди них можно узнать Волгу (Rha), Ганг (Ganges), Дунай (на карте не надписан). А разве нельзя опознать на карте такие моря, как Чёрное, Средиземное, Красное, или Аденский залив, Аравийский полуостров? Впрочем, многое изображено неверно. Каспийское море, например, вытянуто с запада на восток. Но Птолемей не дал определённого очертания суши — она уходит за рамку карты. Этим самым он отверг предположение о том, что обитаемая земля является островом. Пределы известной земли расширились в то время на севере до Скандинавии и северной России, на юге — до истоков реки Нила, на востоке — до северного и южного Китая и Индо-Китая.

Конечно, для нас теперь эта карта кажется несовершенной, но для той эпохи она очень правдоподобна и подробна. Надо учитывать, что карты в ту пору делались главным образом на основе описаний путешествий и морских плаваний, направление определялось по солнцу и звёздам, а расстояние — по времени нахождения в пути. Компаса и измерителя времени тогда не было, а потому и карты не были точными.

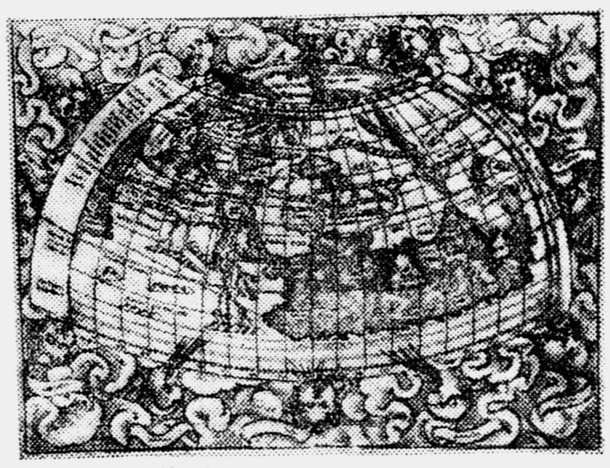
Н. ЛЕОНТЬЕВ.

Институт географии Академии наук СССР.

★

Эта карта помещена в книге «География», написанной Птолемеем, который жил в I—II веках нашей эры.

★



Утки-рыбоводы

Этим летом я отдыхал в деревне Маслово. Как-то в лесу я попал на торфяные карьеры, из которых год назад брали торф. Весенние воды заполнили ямы, образовались небольшие пруды. Я заметил в воде множество небольших рыбок — карасят и щурят. Кто же это постарался напустить сюда столько маленьких рыбок? Но как я ни думал, так и не додумался.

На опушке леса жил в сторожке дед Мартын, или, как его здесь прозвали, Дедушка-голубчик. Дай, думаю, спрошу у него: он, наверно, знает, кто напустил рыбок.

Дед Мартын улыбнулся и ответил:

— Раз ты такой любопытный, скажу: дикие утки, милок, напустили рыбок.

— Я, дедусь, спрашиваю серьёзно, как юный натуралист, и прошу не шутить.

— А я и не шучу, милок! — И он рассказал мне вот что.

Рыба весной мечет икру. В воде плавают дикие утки, икринки пристают к ним. Поезвятся утки в одном озерке, полетят в другое, поплывут по нему, а икринки отстанут. Постепенно за лето они превратятся в рыбок.

— Я сам в молодости,— рассказывал дед, — как и ты, голову ломал над этим же вопросом. Когда провели железную дорогу из Александрова на Иваново, я в ту пору работал на постройке этой чугунки. В низинах делали насыпи, а землю тачками брали по обочинам дороги, — так образовались выемки вроде прудов.

Меня определили обходчиком на перегоне Пелгусово—Текстильный. На следующий год, как построили линию, все выемки в лесной глуши заполнились вешними водами. Летом обхожу линию, жара нестерпимая, а в выемках воды полно. Пошёл умыться и напиться, и что же? Сам себе не верю: плавают рыбки. Откуда, думаю, им взяться? Не с деревьев же они нападали. Это же не речка: ни входа, ни выхода воде нет. На следующий год я ловил там корзинами щук и карасей. Утки с бекасами тоже навещали эти выемки. Где птицы, там и охотники. Пришёл охотник из Иваново, Яков Акшонин, опытный старик. Я спросил его о рыбе. Он мне и раскрыл эту загадку.

Вадим ОСИПОВ.

гор. Иваново,
школа ФЗО № 2.

Честное слово

К концу дня погода изменилась. Ветер, противно завывая, засыпал глаза мелким колючим снегом. Митя закинул кошёлку за спину и, подставляя ветру плечо, пошёл вперёд. Надо было торопиться. Пригородный поезд отходил через сорок минут, а мальчик обещал приехать домой именно этим поездом.

У кассы Митю кто-то окликнул:

— Митька! Булгаков! Ну, конечно, это ты!

Три мальчика с портфелями в руках улыбались, кричали, хлопали Митю по спине. Он тоже улыбался, стараясь вспомнить, где видел этих ребят. Да это же Витя, Вадик и Коля! Он вместе с ними отдыхал в пионерском лагере. Только их сразу и не узнать в зимних пальто и в шапках-ушанках.

— Как здорово, что мы встретились...

— Пошли куда-нибудь.

— Пошли прямо сейчас...

Ребята говорили разом, торопясь, словно боялись, что их остановят.

— Нет, я не могу сегодня, — вздохнул Митя. — Лучше, знаете, приезжайте завтра ко мне. В Воскресенск!

Ребята переглянулись.

— Привозите с собой лыжи и... в лес. Идёт?

— А что, и правда! И приедем, завтра же выходной.

— Только как мы найдём тебя?

Митя хотел было начертить на бумаге план дороги, но поезд должен был вот-вот отойти.

— Я встречу вас, — заторопился он. — Обязательно приезжайте с восьмичасовым. В десять утра я буду на платформе.

— А вдруг не придёшь? — усомнился Вадик. — Дай честное слово!

Митя уже на ходу крикнул:

— Честное слово!

В вагоне он повесил кошёлку на крючок, купил две порции мороженого и, думая о завтрашнем свидании с друзьями, незаметно доехал до своей станции.

К вечеру Митя почувствовал себя плохо. Голос пропал, щёки пылали жаром, болело горло.

— Ел мороженое,— покачала головой мама, — теперь ложись в постель.

Митя был готов и лечь и безропотно принимать какие угодно лекарства, лишь бы завтра быть здоровым.

Но лекарства не помогли. Глотать становилось всё больнее, и Митя с ужасом думал о своих товарищах, которые приедут.

— Мама, — сказал он утром, натягивая сапоги,— я должен выйти к поезду.

Он рассказал о вчерашней встрече.

Тогда мама сняла с вешалки пальто и, поглядев на часы, сказала:

— Рассказывай, как одеты мальчики. Я сама пойду их встречу.

Мите захотелось закричать от радости, расцеловать маму.

— У них лыжи, мама,— зашептал он, — они будут искать меня глазами. Ты сразу узнаешь их...

Митина мама вернулась не скоро и одна. Сняла пальто, погрела руки у печки, подошла к сыну.

— Мама, ты не огорчайся, я сам виноват. Мне надо было взять с них честное слово.

Митя ошибался. Кто не уважает слова товарища, вряд ли сдержит своё.

Р. КОВАЛЕНКО.

Московская область,
гор. Воскресенск.

ТАК ПОСТУПАЮТ ПИОНЕРЫ

Слёзы радости

Полевых работ нынешней осенью в колхозе было много. Убирать кукурузу, копать картофель и свёклу выходили все — от мала до велика. Свои же приусадебные участки колхозники убирали вечерами.

Выкопаны последние сотки картофеля. Ребята нашей школы шли мимо убранных участков колхозников. Только на одном огороде бурела жухлая картофельная ботва.

— Задержалась нынче Петра Васильевна, — заметил кто-то, проходя мимо участка нашей шестидесятилетней учительницы Петры Васильевны Лесюк.

— А что, ребята, для нас пятнадцать соток? Раз, два и готово!

И, не сговариваясь, все восемьдесят человек рассыпались по огороду. Быстро наполнялись корзины, росла большая куча картофеля.

Работа шла к концу, когда из села с непокрытой головой прибежала Петра Васильевна. Обнимая и целуя тех, кто оказался рядом с ней, она твердила:

— Милые, родные мои!

На глазах учительницы были слёзы. Мне они понятны. Радовалась она не выкопанному картофелю, а мысли, что сорок два года своей жизни отдала детям недаром.

Директор школы
И. ЗАРУБЕНКО.

Дрогобычская область,
Рудковский район,
село Новосёлки.

М. ПРИЛЕЖАЕВА

Рис. Л. СМЕХОВА.

У берегов Медведицы

— Барин! Или кто ты ещё, прости за ради Христа! — повернувши к Никифорычу жалкое от испуга лицо, взмолился извозчик. — Вторую неделю вожу, а всё плутаю по Питеру. В лесу не плутал, а тута — на тебе! Не разберусь в дорогах. Невский только и помню.

— Сворачивай вправо, дубьё! По Фонтанке вези! Невежа! — шибче бранился Никифорыч. — Снял с меня голову! Дома, чай, дивятся, куда провалились! Я-то размечтался, не вижу... Плутает он, ишь! А за гривну чаниматься нахальства набрался? Не видать тебе гривны. Я тебя ещё и к городовому стащу.

Извозчик сгорбил спину в обшарканном, изношенном донельзя армяке и втянул голову в плечи, безропотно слушая ругань.

— В кутузку таких сажать! — пугал мужика расходившийся Никифорыч. — А ежели я на казённую службу из-за тебя опоздал?

Извозчик вздохнул с глубоким покорством судьбе:

— Вчерась так же вот завёз офицера. Офицер по шее кулаком... Никак на хлеб не заработаю. Хошь в могилу ложись.

— Сам-то откуда? — чуть отойдя, спросил Никифорыч.

— Мы псковские, — в надежде на милость седока живее заговорил мужик. — Безземелье замучило! В других губерниях и землишка водится и рожь родится, а нашу губернию бог позабыл. Что ты будешь делать? Мужики собрались артелью да в Питер и двинули. Ан Питер тоже по выбору кормит.

— Старательный мужик везде себя оправдает, — возразил Никифорыч.

— Оправдай себя в нашей Песково-Пустынке! Как же! — с внезапно прорвавшейся в голосе злобой ответил мужик и умолкнул до самого Соляного переулка.

После шумного, крикливо разряженного Невского Соляной переулок радовал неожиданной своей тишиной. Он начинался огромным, приземистым зданием в половину Верхне-Троицкой улицы. Дом это или не дом из тёмного камня на фундаменте бордового мрамора? Окна у него выше церковных дверей, стеклянная крыша вскинута куполом, и дева с крыльями и лавровым венцом, как ангел божий, склонилась над входом в какой-то небесной мечте.

«И церковь у них не как у людей», — подумал Миша, стаскивая шапку, чтоб перекреститься на всякий случай.

— Нехристем стал? — остановил Никифорыч. — Рисовальная училища барона Штиглица это. Деревня-а!

Миша, сконфуженный, напялил на голову шапку.

Соляной переулок, узкий и прямой, вытянулся от училища в длину, как труба, и здесь, в белом доме на углу Рыночной улицы, жили господа Мордухай-Болтовские: восемь окон на Рыночную, семнадцать — на Соляной переулок.

Извозчик слез с козел, снял перед Никифорычем шапку:

— Господин, не забижай ты меня.

— Мне из-за тебя замечание выйдет по службе, — сказал Никифорыч, оглаживая бакенбарды. — Чего доброго, из жалованья вычтут. Получай пятачок.

— Смиловься, почтенный, — просил мужик. — Сколько с меня пятачков-то хозяин стребует! Чай, от хозяина работаем. Себе что оставишь? Задаром маюсь.

— Поезжай, поезжай, договоришься, что бляху запомню.

Миша таскал в подъезд дома камердинерские узлы и котомки и, слушая разговор, оглядывался на жалкое лицо мужика с жиденькой, торчащей как-то нелепо, вбок, бородёнкой. Он не отъезжал и, стоя с непокрытой головой, в тупом оцепенении разглядывал на ладони пятак.

— Иван Никифорыч! — помимо воли, вырвалось у Миши. — Барину и не сказать можно, что заблудились.

Камердинер выкатил на Мишу исполненные искреннего изумления глаза, шагнул, ухватил за воротник и, встряхнувши, как куль, грозным шепотком остерёг:

— Врать выучился? Я те повру-у!

Оттого ли, что Никифорыч сдавил ему шею, удушье перехватило горло Мише. Ненавистный Никифорыч! Бакенбарды его, как уши собачьи, жёлтые, дряблые щёки, противный голос!

Голос Никифорыча подобен был инструменту, настроенному, смотря по обстоятельствам, на разные лады: мягкий, глубокий, как бархат, — для барыни, побасистее, с рокотком уважения и трепета — для генерала, улыбающийся снисходительной лаской — для барчуков и скрипучий, как заржавевшая дверная петля, брюзгливый, небрежный и грозный — для слуг, которыми ведал он полновластно: и миловал, и расправу чинил.

— Попомни, малец: ты у меня весь тут! — отпустив Мишу и складывая перед его носом в горсть пальцы, сказал Никифорыч спокойно, как бы уже и не сердясь.

«Скроешь от барина, что пятак на извозчике выгадал! Себе в карман положишь. Че-ст-ный!» — думал с лютым презрением Миша. Слабея от страха перед всесильным камердинером, он набрался всё-таки духу и выпалил в лицо Никифорычу:

— Лучше соврать, чем бедного обокрасть!

Никифорыч не ответил, только, как шилом, насквозь проколол его заледеневшим взглядом. Извозчик напялил на голову шапку и полез на козлы:

— Но-о, милай! Вона, как с мужицких-то копеек наживаются. Вона!

— Таскай вещи в дом, — сухо приказал Никифорыч.

Миша подобрал оставшиеся кошёлки.

«Не будет мне от него житья», — понял он.

К счастью, власть Никифорыча над Мишей была ограничена — барыня распорядилась приставить его для услуг к барчукам.

От многих обид, пинков и затрещин в барском доме, густо населённом челядью, уберегла Мишу его дружба с молодыми Мордухай-Болтовскими, начавшаяся давно, в деревне на берегах Медведицы, в лесу, где когда-то он пугал барчуков лешим.

Там, дома, урвав свободный от работы вечер, Миша скликал деревенских ребят и, прихватив жадно рвущихся в компанию к ним барчуков, заводил всю ватагу в дальнее поле: жгли костёр, пекли в золе картошку, вели разговоры.

Или, стащив с шароновского двора пахнущие смолой и солнцем тесины, вязали плот.

«Счастливо оставаться, Верхняя Троица! Мы до Волги...» Впрочем, на Волгу уплыть не пришлось. Санька Грач высмотрел беглецов и донёс дяде Фролу Шаронову. Фрол Силантьич вырвал из плетня кол, с колом — на берег:

— Покалечу, шкодливые!

Покалечил бы, да Мордухай-Болтовских не посмел.

А то посчастливится вырваться в лес по грибы...

Почему-то теперь, издалека, вспомнились только радости и приволье деревенской жизни.

В Питере жизнь шла по-другому.

Мишин день начинался по-тёмному. За окном чернота, тишина, когда повар Эдуард Иванович, первым поднимавшийся в доме, охая, спускал с кровати ноги, нашаривал валяные туфли и зажигал керосиновую лампу.

За ночь каморка остывала. Зябко! Самый сладкий, непробудный сон в предутренний, далёкий ещё до рассвета час. Хоть пять минуток доспать, хоть минутку!

Но Эдуард Иванович неумолим, как часы:

— Вы не есть прилежные слуги, которые дрыхнут до света. Вставайт!

Повар надевал на голый лоснящийся череп ватную ермолку и открывал молитвенник в сафьяновой коже, благоговейно хранимый им в память о бесценной «гроссмуттер», славившейся в своё время на весь Штеттин примерным своим благочестием и искусством печь пудинги.

Миша жил в каморке с Эдуардом Ивановичем и лакеем Ферапонтом. Пока Эдуард Иванович молился, Миша урывал лишнюю минутку сна, Ферапонт тянулся и ворочался на койке так, что трещали, подгибаясь под его мощным телом, железные прутья. и, на чём свет стоит, ругал господ, из-за которых, как выходило по его рассуждениям, не задалась Ферапонтова жизнь.

— Нешто это господа? Поглядели бы, как настоящие господа на Невском да на Дворцовой живут. Свояк мой у графа служит. Особняк собственный, с анфиладами. Что ни день — гости. С одних чаевых в месяц шубу сошьёшь. Наши-то нищие против настоящих господ. Только что званья дворянского.

Отведя душу, Ферапонт поднимался, тогда и Миша без промедления вскакивал с койки, по опыту зная, что иначе получит от лакея пинок.

Наскоро одевшись, Миша на цыпочках крадётся в комнату барчуков.

Старшие, Иван и Петя, живут и учатся в лицее и кадетском корпусе, дома — гимназисты Митя и Саша. Боясь споткнуться обо что-нибудь в темноте, Миша на ощупь ищет на стульях и под стульями их гимназические мундиры и штиблеты и тащит на чёрную лестницу чистить. Он так наловчился ваксить и полировать щёткой штиблеты, что хоть глядись в них, как в зеркало!

Так же, на цыпочках, он возвращается в комнату и, стараясь не дышать, опять же на ощупь вешает на спинки кроватей мундиры и ставит штиблеты. Барчуков — сохрани бог! — не приказано будить раньше срока. Они свой сон должны доспать сполна.

Надо бежать в булочную. На улицах всё ещё темно, пустынно и тихо. Неясно проступают силуэты зданий. Прохожие редки. Нет-нет, протопают где-то тяжёлые копыта ломовика, да дворник шаркает метлой по тротуару.

— От Болтовских? — для порядка спрашивает булочник, хотя хорошо знает Мишу, как и других слуг из ближних барских домов, прибегавших за свежими булками к господскому утреннему чаю. Булки душистые, розовые, такие горячие, что через холщовую сумку греют живот. У Миши от голода урчит в кишках. Но булки есть ему не положено. Кончатся господские завтраки, тогда Эдуард Иванович накормит его с подгорничной, тринадцатилетней девчонкой Машей, на кухне вчерашними щами.

(Продолжение следует)

Продолжение. Начало см. в № 96.

Отдел ведёт
международный мастер по шахматам
В. ПАНОВ

★

Победа гроссмейстера Смыслова

С 1 по 25 ноября в югославском городе Загребе проходил международный турнир. В нём участвовали девять гроссмейстеров и одиннадцать мастеров — представители девяти стран.

Первый приз без единого поражения завоевал советский гроссмейстер Василий Васильевич Смыслов. Он давно уже считается одним из сильнейших шахматистов мира, не раз выходил победителем во всесоюзных чемпионатах и международных соревнованиях, а в 1954 году сыграл вничью матч с чемпионом мира Ботвинником. Смыслов превосходно ведёт атаку, цепко защищается, безупречно знает теорию игры и точно использует малейший промах противника.

Хотя Смыслову ещё нет 35 лет, но он уже почти тридцать лет играет в шахматы: сначала с отцом, затем с товарищами по школе, затем со всё более и более сильными шахматистами.

Второй советский участник Загребского турнира чемпион СССР Геллер поделил четвёртый и пятый призы с югославским гроссмейстером Глигоричем.

Разберите красивое окончание партии, которую Смыслов выиграл белыми у опытного югославского гроссмейстера Трифуновича.

В этой позиции Смыслов жертвой ладьи взамен слона и пешки создал опасную атаку на чёрного короля и вскоре вынудил противника отдать слона за пешку: 23. Лd6 Фc5 24. Л : f6! gf 25. С : f6 Фh5 26. Фe3 h6 27. h3 Фf5 28. Сc3 Кр h7 29. g4! Фg5 30. f4 Фh4 31. Кр g2 Лg8 32. Фe7! Ф : e7 33. Л : e7 Ла e8 34. Л : e8 Л : e8 35. f5 a6 36. Кр f3 Лc8 37. Cd4 b5 38. Cd3 Лc1 39. fg+ fg 40. h4 Лd1 41. Кр e2 Лh1 42. h5 Лh2+ 43. Cf2 Кр g7 44. hg h5 45. gh Л : h5 46. Cd4+ Кр g8 47. Ce4 a5 48. Кр f3. Чёрные сдались, так как у них не было защиты от ходов Кр g4 и Cd5+.

РЕШЕНИЕ ШАХМАТНОЙ ЗАДАЧИ,
напечатанной в «Пионерской правде» 22 ноября

1. Kf4 gf 2. Kb6 fe. 3. Cg3×.

К новогоднему вечеру

Эти шапочки для зимнего карнавала в школе (рис. А) состоят из силуэта птицы, сделанного из картона, картонных же крыльев, которые служат полями шапочки, и туловища птицы из папиросной бумаги, приготовленной следующим образом.

С помощью кисточки поперёк листа папиросной бумаги проведите клеем 5 линий. На этот лист наложите следующий и проведите на нём клеем 4 линии, затем снова наложите чистый лист и проведите на нём 5 линий. Чередуя таким образом количество линий (рис. 1), склейте 20—30 листов папиросной бумаги и дайте им просохнуть.

На рисунке А, покрытом сеткой, даны силуэты четырёх птиц, их крылья и силуэт кролика. Перерисуйте силуэты на картон, увеличивая их с помощью квадратиков до нужного вам размера.

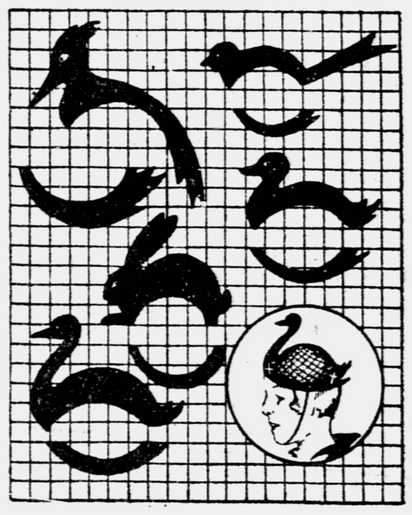
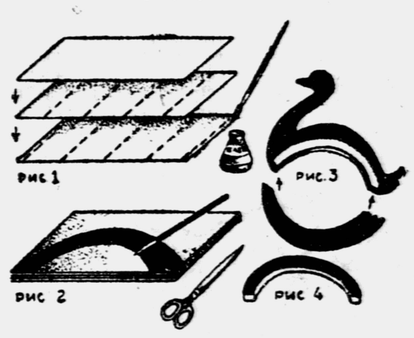


Рис. А.

Острыми ножницами или перочинным ножом вырежьте заготовленные выкройки. Затем положите крыло на склеенную папиросную бумагу, обведите карандашом внутреннюю линию крыла (рис. 2). На расстоянии 2 сантиметров от проведённой линии наметьте вторую, так, чтобы у вас получилась из бумаги дугообразная полоска — подковка. Вырежьте её (рис. 4). Одну сторону подковки смажьте клеем и положите на силуэт птицы (рис. 3). На вторую сторону подковки наклейте крыло. Точно так же приклейте подковку и крыло с другой стороны силуэта. Когда клей просохнет, раскройте крылья, отводя их в стороны. У вас получится шапочка в виде птицы. Места, где крылья прикрепляются к корпусу птицы, соедините проклеенными полосками материи, а чтобы крылья не падали вниз, свяжите их друг с другом через корпус прочной ниткой или лентой (см. общий вид шапочки).

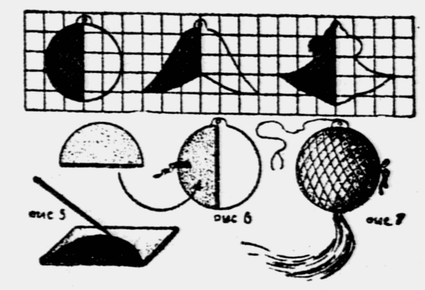


Папиросную бумагу лучше брать цветную, а силуэт птицы и крылья раскрасьте акварельными красками, нарисуйте глаза и клюв.

Обрезки склеенной папиросной бумаги также идут в дело. Из них можно сделать шары, цветы и подвески, которые украсят ваш праздник. Для раскрывающегося шара начертите на картоне два круга по размеру оставшегося обрезка бумаги. Один из них разрежьте пополам. По этим половинкам сделайте выкройки из склеенной папиросной бумаги (рис. 5).

Выкройка наклеивается на круг, а на неё — картонная половинка круга (рис. 6). Выкройку и вторую половинку наклейте так же с другой стороны круга. На картонные половинки приклейте маленькие ленточки — завязки.

Когда клей засохнет, потяните ленточки, и выкройки папиросной бумаги раскроются, образуя красивый шар. К нижней части шара можно приклеить узкие полоски цветной бумаги (рис. 7).



Ю. БУГЕЛЬСКИЙ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24, редакция газеты «Пионерская правда».
ТЕЛЕФОНЫ: для справок — Д 3-33-20, секретариат — Д 3-33-74, отдел пионеров — Д 3-33-26, отдел школ — Д 3-34-77, отдел науки и техники — Д 3-32-59, отдел писем — Д 3-35-12, Д 3-33-23, отдел физкультуры и спорта — Д 3-32-17, отдел литературы и искусства — Д 3-38-12, отдел информации — Д 3-33-27, отдел иллюстрации — Д 3-37-51, отдел местной сети — Д 3-32-17.

Редактор Т. В. МАТВЕЕВА.

Б — 05025. Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21. Зак. 2715.